

Российская академия наук
Институт экономики

Д.Ш. Гогохия

ДЕНЬГИ, КРЕДИТ И БАНКИ

Москва
Институт экономики
2016

Гогохия Д.Ш. Деньги, кредит и банки: Доклад. — М: Институт экономики РАН, 2016. — 45 с.

ISBN 978-5-9940-0571-2

В докладе рассматриваются вопросы происхождения денег, их роли в становлении и развитии рыночной экономики. Известные в экономической литературе подходы сопоставляются с предлагаемым автором, в центре которого роль денег как предпочтительной для накопления (общепринятой) формы богатства, устраняющей влияние различий в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ на процессы рыночного ценообразования. Прослеживается связь между концепциями происхождения денег и осмыслением проблем современной центрально-банковской системы с частичным резервированием депозитов, предлагаются меры, способные обеспечить безусловную сохранность стоимости денежных вкладов при сравнительно дешевом банковском кредите.

Ключевые слова: теория денег, кредит, цены, издержки содержания, банки.

Классификация JEL: E42, E52, F41.

Functions of money, its role for emergence and performance of market economy are considered. Money is interpreted as a socially accepted form of wealth which role is to neutralize the impact of differences in liquidity and maintenance costs among traded goods on pricing. This approach is compared to those of classical, neoclassical and institutional economics. Rival theories of money origins are used as a background to assess controversies over contemporary fractional reserve banking. Suggested measures how to preserve value of money deposits, while keeping bank credits at moderate level, are discussed.

Keywords: theory of money, credit, prices, maintenance costs, banking.

JEL Classification: E42, E52, F41.

© Гогохия Д.Ш., 2016
© Институт экономики РАН, 2016
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Происхождение (назначение) денег	6
1. Учение о деньгах Дж.М. Кейнса и К. Менгера	6
2. Деньги, закон спроса и закон Вальраса	12
3. Принцип неизменности стоимости денег и мотив предпочтения ликвидности	19
ГЛАВА II. Центрально-банковская система с частичным резервированием депозитов	28
1. Предложение денег	29
2. Спрос на деньги	37
3. Центральный банк как регулятор товарных стоимостей и цен	41
Литература	45

Введение

Если спросить обычного человека с улицы, он никогда не скажет, что деньги — это средство обращения. Для него деньги средство платежа за товары, средство накопления или средство платежа по долгам. Другого употребления денег он не знает. Об этом не стоило бы говорить, но понятие «средство обращения» вносит изрядную неразбериху в экономический анализ.

История экономических учений далеко не случайно начинается с меркантилистов, которые видели в деньгах не средство обращения, а предпочтительную для накопления форму богатства. Правда, в эпоху меркантилистов еще не открылись инвестиционные возможности, связанные с промышленной революцией. Зато не было и колебаний общего уровня товарных цен, т.е. колебаний покупательной силы денег. Меркантилисты предпочитали говорить не о покупательной силе, а о стоимости (ценности) денег. Они нисколько не сомневались в том, что стоимость денег отличается от стоимости товаров большей устойчивостью. В этой связи продажа товаров за деньги и накопление богатства в денежной форме как руководящий принцип внешней торговли не вызывало у них никаких сомнений. Сегодня очень легко показать, что меркантилисты ошибались, указав, что выпуск, к примеру, одной 100-долларовой банкноты обходится всего в несколько центов, тогда как желающим приобрести эти 100 долларов приходится продавать за доллары те или иные товары, издержки производства которых намного выше. Но, во всяком случае, они (издержки) в долларовом исчислении не выше, а ниже 100 долларов. И чем они ниже, тем очевиднее выгода такого обмена для тех, кто поставляет за доллары товары. Данное положение не может быть оспорено при том условии, что стоимость денег отличается от стоимости товаров большей устойчивостью. Если достаточно глубоко обосновать данное положение, показав, что оно не является чем-то внешним для денежной формы богатства, можно будет вообще отказаться от использования понятия «средство обращения» в экономическом анализе, что будет только во благо экономической теории и практике.

Не случайно, в последние десятилетия внимание к вопросам теории денег заметно усилилось. Многие экономисты (среди них такие известные, как Н. Калдор, Дж. Стиглиц, Х. Мински, Б. Бернанке, Д. Инхем и др.) заявляют о необходимости критически пересмотреть основные аспекты ортодоксальной теории денег с позиций кредитной природы современных (банковских) денег¹. Но такой пересмотр означает пересмотр традиции, укорененной в экономической науке со времен экономистов-классиков. Вряд ли это возможно, если оставаться в плену представления, согласно которому по происхождению и назначению своему деньги лишь средство, облегчающее обмен товарами. Вопросы происхождения (назначения) денег тесно связаны с вопросом о роли денег в процессах ценообразования. Меркантилисты были правы, уделяя деньгам как средству накопления особое внимание. Но они, как и экономисты-классики, были далеки от понимания действительной роли денег в становлении и развитии товарного производства. Все дело в том, что *спрос на деньги играет ключевую роль в становлении товарного производства и нормализации процессов ценообразования на всех ступенях его развития. Только спрос на деньги как средство накопления формирует такие цены, которые уравнивают спрос и предложение на всех рынках, в том числе рынке рабочей силы и кредитном.* Развернутое обоснование такого понимания денег содержится в первой главе настоящего доклада. Во второй главе обсуждаются вопросы, связанные с особенностями спроса и предложения на денежном рынке и те возможности, которые предоставляет устройство современной денежно-кредитной системы для выбора экономической политики, обеспечивающей долгосрочный экономический рост.

1. См. обзор литературы и анализ новейших тенденций по вопросам теории денег и кредита в монографии: Ю. Вымятина. Теория денег. Санкт-Петербург, 2014.

Происхождение (назначение) денег

По вопросам теории денег высказывались практически все крупные экономисты и экономические школы. Вместе с тем, учитывая наш интерес к деньгам как средству накопления, нельзя не выделить, наряду с учением меркантилистов, учение Дж.М. Кейнса, хотя самостоятельный интерес представляет в этой связи, как не странно, и учение о деньгах родоначальника австрийской школы К. Менгера.

1. Учение о деньгах Дж.М. Кейнса и К. Менгера

Дж.М. Кейнс исходил из той простой истины (положив ее в основу теории денег и процента), что *деньги высоко ценятся хозяйствующими субъектами как форма богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенного будущего*. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т.е. возможность использования их для достижения различных (неопределенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но, как справедливо подчеркивает Кейнс (в 17 главе «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги — это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействие со стороны растущих издержек содержания. Вместе с тем, поскольку, как считал Кейнс, все товары длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, спрос на деньги как предпочтительной для накопления формы богатства может замещаться спросом на товары, и наоборот. Рассуждения Кейнса на тему ликвидности несколько путаны. Но, как будет показано ниже, он правильно подчеркивал, что «ликвидность» и «издержки содержания» важны для рыночной оценки всех благ, причем в некотором сочетании. Иначе говоря, значение имеют не (L) и (с) по отдельности, а (L-с). При этом не существует, очевидно, никакой абсолютной (количественной) нормы ликвидности, а

только шкала ликвидности, которая учитывается при оценке сравнительных преимуществ владения различными формами богатства². Формула (L-c) просто показывает, что именно сочетание относительно высокой ликвидности и абсолютно низких издержек содержания характеризует хозяйственное благо с точки зрения пригодности к накоплению по сравнению с другими благами. В этой связи Кейнс поправлял авторов, которые считали, что тягу к деньгам легко устранить, наложив какой-то налог на хранимые суммы. Никакой налог, указывал Кейнс, не способен устранить различий между хозяйственными благами как хранилищами богатства. «Испортит» одни деньги, мы лишь получим взамен другие. На самом деле это не совсем так, учитывая, что к существующим деньгам люди привыкают, а всякий отказ от привычек сопряжен с издержками. Но различия между хозяйственными благами как хранилищами богатства, на которые указал Кейнс, не только имеют важное значение при исследовании колебаний спроса и цен на рынках капитальных благ и финансовых рынках. Эти различия проливают свет на становление и развитие самого товарного производства. Чтобы убедиться в этом, обратимся к учению о деньгах К. Менгера³, которое высоко ценится всеми экономистами (не только сторонниками австрийской школы) за то, что в его рамках деньги как общепринятое средство платежа за товары появляются на свет не как результат какого-то соглашения или принуждения, а спонтанно, в ходе эволюционного процесса, как результат свободного осмысленного (вопреки К. Марксу) выбора хозяйствующих субъектов.

В основе учения К. Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по своей непосредственной полезности, но и по своей способности к обмену (сбыту), т.е. степени ликвидности. Если бы это было не так, несоответствие предпочтений товаровладельцев (владелец товара А желает обменять свой товар на товар В, в то время как владелец товара В предпочитает товар С, и т.д.) оказалось бы непреодолимым и создавало бы тяжелые, постоянно возникающие препятствия для разделения тру-

2. См.: Дж.М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. В кн. *Антология экономической классики*. Т.2 М., 1992. С. 323.

3. См.: Менгер К. Основания политической экономии. Гл. 8. Учение о деньгах. gumfak.ru/econom/html/menger/menger09.shtml.

да и производства благ на неизвестного покупателя. Но поскольку товары отличаются способностью к сбыту, перед каждым хозяйствующим субъектом встает альтернатива: либо отказаться от обмена, учитывая трудности бартера, либо постараться обменять свой товар на такой, который обладает большей способностью к сбыту, чем собственный. Во втором случае вероятность достижения хозяйствующим субъектом своей конечной цели — приобретение путем обмена необходимых ему потребительских благ — значительно увеличивается. Менгер особо подчеркивал, что хотя обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту, на товары с большей способностью к сбыту, отвечает экономическому интересу всякого хозяйствующего индивида, но фактическое проведение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, которые никогда сразу не приходят в одно и то же время к такому пониманию. Напротив, сначала только отдельные, наиболее предусмотрительные и деятельные хозяйствующие субъекты начинают понимать преимущество обмена на товары с большей способностью к сбыту и практиковать такой обмен. Но чем больше людей следует их примеру, тем очевиднее и весомее выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). «Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами»⁴. Ирония, однако, в том, что, пытаясь разъяснить, почему собственно товары различаются способностью к сбыту и, рассматривая в этой связи эволюцию товарных форм денег, К. Менгер выделяет черты, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления.

Возьмем такую известную, многовековую форму товарных денег, как домашний скот, которая отличалась, как отмечает Менгер, большой притягательной силой, ибо скотоводческие народы высоко ценили домашний скот по трем причинам.

Во-первых, домашний скот полезен во многих отношениях⁵.

4. Там же. С.4.

5. Он предоставляет молочные и мясные продукты питания, материал (шерсть и шкуры) для одежды, жилья и т.п.

Во-вторых, «скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много лугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы»⁶.

Наконец, в-третьих, рыночная стоимость скота отличалась устойчивостью, так как в условиях, «когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка»⁷. Вместе с тем в связи с разделением занятий, образованием городов с населением, занимающимся по преимуществу ремеслом, способность населения к накоплению скота падает пропорционально издержкам, связанным с его содержанием⁸. Поэтому, по мере культурного развития как по отношению к кругу лиц, так и по отношению ко времени, в течение которого можно пренебречь издержками содержания, способность накопления скота может служить общепринятой формой богатства, уступая все больше и больше подобной же способности других благ, а именно металлам, и в конечном счете золоту и серебру⁹.

Вопреки намерению, опираясь на эволюцию товарных форм денег, Менгер фактически учит тому, что обычно люди предпочитают накапливать такое благо, которое может иметь различное употребление, служить разным целям, т.е. обладает естественной ликвидностью¹⁰. Но принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействия со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом, если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (L и c), выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Отсюда, обобщая, нетрудно сделать главный вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посред-

6. Менгер К. Указ. соч. С.7.

7. Там же.

8. «Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать животных на воле». Там же. С. 9..

9. Там же.

10. В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

ником при обмене. Чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку некоторые из этих свойств (пригодность к накоплению) с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поскольку по происхождению своему деньги не являются продуктом какого-то соглашения, более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *общепринимаемое средство платежа*.

Сказанное о происхождении и назначении денег несколько не противоречит тому, что по мере развития товарного (специализированного) производства все большая часть денежной выручки от продажи товара расходуется на приобретение других товаров. Но если бы деньги воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами только как средство платежа за товары, решения относительно объемов покупок и продаж различных товаров оставались бы несогласованными, порождая, с одной стороны, избыточный спрос, а с другой — избыточное предложение на различных товарных рынках. Возьмем в качестве примера ситуацию, описанную А. Смитом. Хотя А. Смит много сделал для развенчания денег как средства накопления (в связи с критикой меркантилистских учений), он хорошо понимал, что развитие товарного (специализированного) производства в известной степени смягчает противоречие, связанное с несовпадением предпочтений товаровладельцев. Ведь всякое расширение товарного (специализированного) производства означает расширение круга потенциальных торговых партнеров для каждого отдельного товаровладельца. Поэтому рассуждение о трудностях или издержках безденежной бартерной торговли (владелец товара А желает обменять свой товар на товар Б, в то время как владелец товара Б предпочитает товар С, и т.п.) никогда не использовалось Смитом. Обсуждая обстоятельства возникновения денег, А. Смит отмечал, что безденежную торговлю (обмен) ограничивают (затрудняют) не издержки, связанные с поиском торговых партнеров, а уже накопленные товарные запасы. Если, например, мясник уже запасен тем количеством хлеба и

пива, которое ему нужно на ближайшее время, между ними, пивоваром и булочником, не может состояться обмен¹¹. Нетрудно заметить, однако, что пивовару и булочнику намного легче было бы договориться с мясником, если допустить, что хлеб и пиво были бы столь же долговечны, не подвержены порче и занимали столь же мало места, как деньги. Мясник наверняка пошел бы навстречу булочнику и пивовару в их желании приобрести дополнительное количество мяса, если бы прирост запасов хлеба и пива, как платы за мясо, был бы столь же необременителен с точки зрения издержек содержания, сколь необременителен прирост запаса денег. С другой стороны, если бы деньги воспринимались и использовались мясником (равно булочником и пивоваром) только как средство приобретения товаров, способ оплаты (замена товара деньгами) не мог бы ничего изменить в ситуации, когда отдельный товаровладелец, ориентируясь исключительно на собственные предпочтения и издержки, не идет навстречу другим товаровладельцам в плане расширения продаж своего товара, будь то мясо, хлеб или пиво.

Казалось бы, затруднение исчезает, если принять во внимание зависимость спроса и предложения от соотношения цен товаров и, соответственно, возможность при необходимости пересматривать меновые пропорции, как это имеет место в неоклассической модели общего рыночного равновесия Л. Вальраса. Но у Вальраса процесс согласования решений, принимаемых хозяйствующими субъектами относительно продаж (покупок) своих (чужих) товаров, находится под бдительным контролем всевидящего аукциониста, который назначает цены и тут же, если они не уравнивают спрос и предложение на всех товарных рынках, аннулирует контракты на покупку и продажу товаров по этим ценам и назначает новые. Работа Вальраса сыграла важную роль в прояснении условий общего рыночного равновесия, поскольку очевидно, что на той стадии развития товарного производства, когда товары производятся посредством товаров и их объем и разнообразие многократно увеличиваются, каждый товаровладелец, планируя свои продажи и покупки, стоит перед выбором, суть которого в том, чтобы отобрать из огромного множества торгуемых

11. См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Эксмо, 2007. С.83.

товаров оптимальную для себя корзину. При этом планы (намерения) всех товаровладельцев должны быть учтены и согласованы таким образом, чтобы все товары были распроданы. Но было бы большим преувеличением сказать, что Вальрас или кто-либо другой из экономистов до конца разъяснил механизм оптимального отбора и рыночного согласования посредством корректировки цен. И дело тут не в том, что на подавляющем большинстве товарных рынков нет фигуры вальрасовского всевидящего аукциониста, аннулирующего контракты по не равновесным ценам и назначающего набор новых цен. Дело в том, что, с одной стороны, никакой новый набор цен не приближает к общему рыночному равновесию, если изменения в меновых пропорциях (при переходе к новым ценам) по-разному влияют на стоимостную величину товарного запаса (бюджетного ограничения), с которым хозяйствующие субъекты выходят на рынок, а, с другой, различия в товарных запасах обуславливаются именно развитием товарного (специализированного) производства, особенно когда товары производятся посредством товаров. *Капиталистическая экономика не прожила бы и одного дня, если бы не существовали деньги, притягательная сила которых как предпочтительной для накопления формы богатства, воздействуя на всех хозяйствующих субъектов, формирует такие цены, которые уравнивают спрос и предложение на товарных рынках.*

2. Деньги, закон спроса и закон Вальраса

Культурное разнообразие форм человеческой жизни, столь значительное в докапиталистические эпохи, не исключает таких побудительных мотивов человеческой деятельности, которые не только не подвластны никаким социальным условиям и институтам, но определяют, в конечном счете, их эволюцию и отбор. Но поиск в этом направлении ошибочно ограничивать рамками естественных, сформировавшихся в ходе биологической эволюции потребностей или стремлений людей, как это представляется некоторым известным авторам¹². Такой подход к исследованию *устойчивых челове-*

12. См., например: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993. С.7; Гэри С. Беккер. Человеческое поведение, экономический подход. М: ГУ ВШЭ, 2003. С. 31.

ских предпочтений неоправданно узок. Человек может иметь предпочтения, цели, желания, которые возникают вне его собственной биологической природы, причем, и это главное, некоторые из них, подобно биологически заданным потребностям или стремлениям, исторически устойчивы, неподвластны никаким социальным условиям и институтам.

Человек отделен от других живых существ непроницаемой стеной, воздвигнутой в тот момент, когда ему и только ему было дано осознать конечность своего земного существования. Этим определяется своеобразие человеческих устремлений, особая мотивация даже у тех людей, которые верят в свое бессмертие (жизнь после смерти). Ведь по сравнению с земной жизнью жизнь после смерти — это какая-то другая, совершенно непонятная жизнь. Вот почему люди, независимо от своих верований, привязываются к земной жизни, страшатся смерти и вместе с тем, зная, что этого избежать невозможно, желают оставить на земле плоды своей деятельности.

Человек испытывает чувство глубокого удовлетворения, когда ему удастся создать что-либо долговечное. Все его существо наполняется радостью недаром прожитой жизни. Но давно замечено, что сходное чувство возникает и по отношению к деньгам, когда они приобретены напряженным трудом и бережливостью. «Как поэты любят свои творения, а отцы — своих детей, так и разбогатевшие люди заботливо относятся к деньгам — не только в меру потребностей, а так, словно это их произведение»¹³.

Углубленный анализ побудительных мотивов человеческой деятельности имеет важное значение для правильного построения денежной теории и экономической теории вообще. Ведь получается, что деньги (до всякой товарно-рыночной организации общественного производства) могут быть выведены из изначальной и непреходящей (естественной) потребности людей сохранять и накапливать плоды своей деятельности, с одной стороны, и из неустранимых (естественных) различий между хозяйственными благами с точки зрения их пригодности для этой цели, с другой. Различия между благами как хранилищами богатства не должны

13. Платон. Диалоги. Харьков, 1999. С.38.

влиять на процессы ценообразования в частности и особенности при товарно-рыночной организации общественного производства, что имеет место в первую очередь потому, что цены выражаются в денежных единицах. Между тем, привычное представление, согласно которому деньги вызываются к жизни трудностями или издержками бартерной торговли, взаимосвязано с представлением о нейтральности денег. Не случайно, моделируя условия общего рыночного равновесия, Вальрас вообще обходился без денег, поскольку, как он считал, для оценки товаров в принципе подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. Впрочем, Вальрас был далеко не оригинален, допуская, что товаровладельцев совершенно не интересует общий уровень цен или, что то же самое, меновая стоимость денег, а исключительно соотношения цен. И действительно, ведь только они показывают, в каких пропорциях товаровладельцы могут замещать посредством обмена свои товары на чужие в целях оптимизации потребительской корзины. А раз так, нельзя не согласиться с тем, что при моделировании условий общего рыночного равновесия для оценки товаров вполне подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. Важно, однако, понимать, что такое моделирование целиком и полностью основано на предположении, что никто не желает хранить, сокращать или увеличивать запас денег, сверх запаса, который диктуется просто тем, что существует временной разрыв между продажей своего товара и покупкой чужих. Характерной особенностью модели Вальраса является то, что время в ней вообще не учитывается, но это тоже логически оправдано, если задача состоит в том, чтобы разъяснить, как происходит оптимальный отбор и согласование планируемых покупок и продаж посредством корректировки рыночных цен. При постановке такой задачи мы вправе предположить, что общее количество товаров и денег фиксировано или даже запас денег вообще отсутствует, что вносит предельную ясность в решении поставленной задачи. И, тем не менее, именно эти упрощения делают анализ Вальраса, а главное, выводы из него недостаточно строгими.

Из уравнений общего рыночного равновесия Вальраса, строго говоря, можно вывести лишь одно: при любом наборе цен из-

быточный спрос на одних товарных рынках уравнивается по стоимости избыточным предложением на других¹⁴. Допуская, что цены назначаются, скажем, в рублях (но ни у кого из торгующих агентов нет запаса рублей, т.е. рубль — условная счетная единица), можно и должно ожидать (опираясь на уравнения Вальраса), что повышение цен на одних рынках будет непременно сопровождаться их снижением на других. Но отсюда вовсе не следует, что повышение цен на одних рынках и снижение на других побудит владельцев дефицитных товаров и владельцев избыточных товаров увеличивать спрос на избыточные товары, сокращая тем самым спрос на дефицитные. Ведь разнонаправленное изменение цен будет воздействовать разнонаправлено на покупательную способность (реальную величину богатств) экономических агентов. Одни станут богаче, другие — беднее. Ожидать в этих условиях согласованного поведения рыночных агентов по расчистке товарных рынков нет достаточных оснований. Эффект реального богатства или, как его чаще называют, эффект дохода будет эффективно противодействовать такому согласованному поведению¹⁵.

Только денежная форма богатства раскрывает нам механизм рыночных сил спроса и предложения, обеспечивающих согласованное поведение людей в ответ на изменение рыночных цен, независимо от набора полезных вещей и услуг, находящихся в их распоряжении. Проблема в том и состоит, что всякое изменение цен по-разному влияет на финансовое положение рыночных агентов (в зависимости от величины и состава бюджетного ограничения). Согласованность в поведении достигается в той мере, в какой изменение денежной цены воспринимается как изменение меновой стоимости товара, но не денег, меновая стоимость которых должна восприниматься как нечто данное и неизменное. Только в этом случае эффект

14. Если, например, имеется в наличии 100 пудов хлеба и 100 килограммов мяса в руках разных владельцев, которые при цене равной, скажем, двум килограмма мяса за один пуд хлеба, желают сохранить (приобрести) в совокупности меньше хлеба, чем 100 пудов, то планируемый совокупный спрос на мясо, напротив, превысит 100 килограммов. Причем, согласно уравнениям (закону) Вальраса, избыточный спрос на мясо в стоимостном измерении в точности совпадет с избыточным предложением хлеба. Так, если совокупный спрос на хлеб (при цене два килограмма мяса за пуд хлеба) составил, скажем, 80 пудов (т.е. избыточное предложение хлеба равно 20 пудам), избыточный спрос на мясо составит 40 килограмм, ибо при цене два килограмма мяса за пуд хлеба стоимость 20 пудов хлеба равна стоимости 40 килограммов мяса.

15. См. подробно: Дж.Р. Хикс. Стоимость и капитал. М., 1993. Гл. 2.

дохода будет действовать в том же направлении, что и эффект замещения, ибо деньги будут восприниматься как лучший товар для накопления. В противном случае (если хозяйствующие субъекты начинают учитывать возможность изменения меновой стоимости денег) нарушается единство и взаимосвязь процессов ценообразования на товарных рынках, что совершенно исключается в рамках модели общего рыночного равновесия. Тем не менее, единство и взаимосвязь процессов рыночного ценообразования нарушится из-за естественных различий в степени ликвидности и издержках содержания товаров, ибо при наличии сомнений в стабильности меновой стоимости денег, различия в пригодности к накоплению (L-с) привлекут к себе особое внимание и приобретут, тем самым, значение особого и самостоятельного *ценообразующего* фактора, перемещающего совокупный спрос от денег к товарам дифференцированно. Иначе говоря, эти различия приобретут значение фактора, стимулирующего спрос на одни товары в ущерб другим. На языке неоклассической теории сказанное означает, что произойдут дифференцированные (не одинаковые) сдвиги кривых спроса на всех товарных рынках.

Неоклассическая экономическая теория в короткий срок завоевала господствующее положение в экономической науке не в последнюю очередь благодаря обоснованию закономерностей спроса, увязав их с рациональным выбором потребителя. Считается, что необходимость выбора (рационального) диктуется практически неограниченными потребностями людей (во всяком случае, людей, живущих в современном обществе) и ограниченностью ресурсов по их удовлетворению, допускающих различное (альтернативное) использование. При этом «...сама по себе ограниченность ресурсов, несмотря на всю свою важность, не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя “экономить”»¹⁶. Точнее будет сказать, что экономические стимулы к экономии ресурса, не имеющего альтернативного использования, будут относительно слабыми. Но, так или иначе, если ключевой аспект проблемы рационального выбора связан с тем, что одни и те же средства (ресурсы) могут иметь различное употребление, использоваться для достиже-

16. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. Т. 1. 1993. С. 17.

ния различных целей, наиболее ценным ресурсом в этой связи являются деньги. При этом, чтобы понять, как деньги становятся деньгами, имеет смысл обратить внимание на тот факт, что в принципе любое благо с низкими издержками содержания вписывается в логику рационального выбора. Ведь всегда существует альтернатива между использованием такого блага в разные моменты времени. Причем существование такой альтернативы является, очевидно, существенным фактором того, что блага воспринимаются как ограниченные.

Законы спроса действительно связаны с рациональным выбором потребителя, но потому, что рациональный потребитель выходит на рынок не с запасом товаров, а с запасом денег. Вопрос о том, где и как он приобретает деньги, имеет непосредственное отношение к вопросу о движущих силах товарного производства. Но в целях прояснения закономерностей спроса имеет смысл снабдить нашего потребителя запасом денег безвозмездно (сбросив деньги, например, с вертолета) и посмотреть, почему его поведение подчиняется или, напротив, не подчиняется закону, согласно которому между ценой и спросом на товар существует обратная зависимость.

Поскольку запас денег является тем ограничением, из которого исходит в своих планах и расчетах потребитель, изменение планируемого спроса на какой-то товар предполагает в качестве непременного условия изменение в противоположном направлении спроса на деньги или какой-то другой товар или товары. Но если предположить (как это обычно делается при построении кривой спроса)¹⁷, что цены всех прочих товаров остаются неизменными, изменение цены одного товара должно приводить к изменению спроса только на деньги и тот товар, цена которого изменилась. При данном, аналитически вполне оправданном предположении, кривая спроса во всех точках будет иметь отрицательный наклон, если количество денег, расходуемых на товар, увеличивается и сокращается в меньшей пропорции, чем количество товара, приобретаемого за деньги.

В понятиях неоклассической теории такое соотношение количеств денег и товара можно и должно объяснить тем, что предельная полезность денег убывает с меньшей скоростью, чем пре-

17. Кривая спроса индивида или любой группы индивидов на конкретный товар показывает количество товара, которое они пожелают приобрести в единицу времени при каждой цене.

дельная полезность товара. Если это так, при обосновании закона спроса предельную полезность денег можно принять в качестве постоянной величины, что без лишних слов зафиксирует принципиальное соотношение (разницу) между скоростью убывания предельной полезности денег и предельной полезности товара (не денег).

Выделение из мира хозяйственных благ денег и не денег (товаров) связано с тем, что скорость убывания предельной полезности различных хозяйственных благ неодинакова, и прежде всего потому, что неодинакова оценка благ как хранилищ богатства. Чем выше такая оценка, учитывающая, естественно, степень ликвидности и издержки содержания ($L-c$), тем сравнительно медленнее убывает полезность при одинаковом в процентном отношении увеличении количества блага, которым распоряжается или желает распоряжаться хозяйствующий субъект.

Закон спроса, упорядочивая процессы рыночного ценообразования, играет ключевую роль в формировании стоимостей товаров как устойчивых цен, при которых достигается равенство спроса и предложения на взаимосвязанных законом Вальраса рынках. Но чтобы закон спроса действовал на всех рынках, включая высоколиквидные, т.е. с высоким ($L-c$), критически важно, чтобы находящиеся в обращении деньги воспринимались преимущественно как средство сохранения стоимости и в этой связи как предпочтительная для накопления форма богатства. Ведь привлекательность денег с точки зрения ликвидности и издержек содержания ($L-c$) заведомо выше привлекательности любого товара. Но рост денежных цен, означающий падение меновой стоимости денег, означает вместе с тем возможность быстрого обогащения посредством накопления тех или иных товаров, т.е. отсрочки их превращения в деньги. При этом именно те товары, которые отличаются высоким ($L-c$), становятся особенно привлекательными для накопления. Поэтому при падении меновой стоимости денег существенные преимущества в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ ($L-c$) учитываются хозяйствующими субъектами при плановых расчетах об объемах покупок и продаж различных товаров, что ведет к деформации структуры рыночных цен и, как следствие, к финансово-экономическим кризисам.

Получается, таким образом, что проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, это не просто проблема теоретического осмысления практически наилучшей (идеальной) меры стоимости (ценности), над которой бились классики политической экономии. Проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, это проблема создания условий, при которых обеспечивается способность рыночной экономики к саморегулированию и устойчивому равновесию. Другое дело, что на высших ступенях развития товарного производства (когда товары производятся посредством товаров), условия, обеспечивающие стабильность меновой стоимости денег, в своей совокупности, как будет показано ниже, находятся за пределами институтов, для формирования которых достаточно созидующих сил самого рынка.

3. Принцип неизменной стоимости денег и мотив предпочтения ликвидности

Благодаря Кейнсу идея о том, что капиталистическая экономика нуждается в государственном регулировании, получила право гражданства в экономической науке. Сегодня (после опыта стагфляции 70-х годов), принцип неизменности стоимости денег рассматривается, обычно, в качестве важнейшей цели государственной экономической политики. Вместе с тем всегда находятся экономисты, которые негативно относятся к мерам, направленным на стабилизацию стоимости денег, если это ведет к удорожанию кредита. Как правило, они апеллируют к идеям Кейнса, получая поддержку деловых кругов, что не удивительно, учитывая роль кредита в развитии современной экономики. Но возможно ли воспрепятствовать удорожанию кредита, если нет ясного представления (в том числе у последователей Кейнса), что собственно регулируется нормой процента?

Кейнс подверг резкой критике реальные (не денежные) теории процента. При этом он заложил основы денежной теории, указав на свойство ликвидности и минимальные издержки содержания, поскольку эти свойства сохраняются в активе денег как средства накопления при любых обстоятельствах, независимо от места и

времени. Достаточно очевидно, однако, что в обществах с рыночной экономикой привлекательность денег как средства накопления зависит во многом от устойчивости их меновой стоимости, которая определяется не только спросом на деньги, но также их предложением. В современной посткейнсианской литературе вопросам предложения денег уделяется особое внимание, хотя высказывания самого Кейнса по этому поводу довольно банальны. С одной стороны, он указывал, что предложение денег в долгосрочном аспекте не может оставаться жестким, ибо при росте производства нормальным выходом из положения будет скорее изменение самой кредитно-денежной системы, чем снижение цен. Но в краткосрочном аспекте предложение денег находится под жестким контролем денежных властей и этим отличается от предложения товаров. Иначе говоря, номинальное количество денег не может быть увеличено рыночной экономикой так же легко, как количество каких-то ценных товаров за счет сокращения производства менее ценных товаров. При этом, однако, эффективное, с учетом покупательной способности, предложение денег нельзя рассматривать как строго постоянное. «В частности, понижение заработной платы высвободит наличные деньги из других областей применения для удовлетворения потребности в ликвидности. Кроме того, при падении ценностей товаров в деньгах повысится отношение общего количества денег к совокупному богатству общества»¹⁸. Кейнс приводит ряд причин, из-за которых в экономике привычного для нас типа «падение ценностей товаров в деньгах» не в состоянии повысить спрос на товары за счет снижения спроса на деньги. Вместе с тем, все эти причины, так или иначе, сводятся к (L-c), т.е. к показателю, по которому можно судить о способности разных благ замещать собою деньги¹⁹. Так неужели эта способность столь низка у любых, торгуемых на рынке благ, что деньги по существу незаменимы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужна не общая теория занятости, процента и денег, а общая теория денег, процента и стоимости, раскрывающая природу денег как средства сохранения стоимости, а процента как той цены, которая обеспечивает или

18. Дж.М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. В кн. *Антология экономической классики*. М., 1992. Т.2. С. 317.

19. Там же. гл. 17.

должна обеспечивать устойчивость стоимости денег по сравнению с любыми неденежными товарными активами. Ведь согласно теории предпочтения ликвидности, процент — это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу²⁰. Достаточно очевидно, однако, что деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на данное обстоятельство. Между тем, логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Для чего хранить деньги, если в качестве средства сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть, без дополнительных издержек, превращены в деньги. Ведь трансакционные издержки остаются одними и теми же, независимо от того, что именно хозяйствующие субъекты предпочитают хранить. Единственное требование к хранимым товарам — низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что стоимость товаров более устойчива, чем стоимость денег, или даже столь же устойчива, как стоимость денег, свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но даже с достаточно обоснованной претензией более глубокого анализа товарно-рыночной ор-

20. Многие крупные экономисты как до, так и особенно после Кейнса отказывались рассматривать процент как плату за сбережения. Отмечалось, что акт сбережения далеко не всегда означает жертву, связанную с откладыванием потребления, и таким образом, нуждающуюся в компенсации или поощрении в виде получаемого процента. Кроме того, как подчеркивал Кейнс, процент не в состоянии уравновешивать сбережения и инвестиции, коль скоро предполагается, что люди делают сбережения из доходов с целью увеличить потребление в будущем. В этом случае повышение нормы процента не стимулировало бы сбережения, а, напротив, угнетало бы их, так как запланированное на будущее потребление при более высокой ставке процента могло быть достигнуто посредством меньших сбережений. Достаточно убедительно, поэтому, выглядит заявление Кейнса о том, что процент — это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью.

ганизации общественного производства. К этому сводится скрытый смысл или действительное содержание учения К. Маркса о форме стоимости, раскрывающее процесс возникновения денег как всеобщего эквивалента из противоречия, заключенного в товаре. В результате получилась общая теория товара, стоимости и денег, разъясняющая, почему купля и продажа товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения (десять аршин сукна = одному сюртуку) содержит зерна кризисов и депрессий, как это бывает в природе, когда из небольшого желудя вырастает огромное дерево. Иначе говоря, посредством общей теории товара, стоимости и денег Маркс пытался разъяснить, почему купля и продажа товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения, не может быть сведена к нему даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистическом.

Как это видно из выше изложенного, купля и продажа товаров за деньги действительно не может быть сведена к простому товарному отношению, но по более глубокой причине, чем это полагал Маркс. В этой связи анализ товарно-рыночной организации общественного производства нужно начинать не с товара, а с денег. Ирония в том, что название «Деньги» Маркс приберег именно для функции денег как средства накопления (сокровища). В соответствующем разделе «Капитала» содержится глубокий историко-экономический анализ мотива накопления денег. При этом Маркс не забывает отметить, что стоимость денег — золота не подвержена столь резким колебаниям, как стоимость обычных товаров.

Впрочем, хорошо известно, что впервые внимание к проблеме стоимости (ценности) денег и к теории стоимости (ценности) вообще было привлечено революцией цен в XVI—XVII вв., когда на западноевропейские рынки хлынул поток ранее накопленного в Новом свете абorigенами, но затем захваченного европейцами, огромного запаса золота и серебра. Рост цен, означающий падение стоимости денег, положил начало формулировкам количественной теории денег и, как следствие, изоляции теории денег от теории стоимости (относительных цен). Дело в том, что рост товарных цен как реакция на увеличение количества денег увязывался с представлением об избыточных запасах денег по сравнению со спросом на деньги как средством обращения. Количественная теория денег

утверждает, что рано или поздно увеличение количества денег (M) ведет к пропорциональному росту товарных цен (P). Отсюда следует, что увеличение количества денег не увеличивает стоимости совокупного денежного запаса и, таким образом, не прибавляет ничего к общей величине накопленного обществом богатства, поскольку стоимость денежной единицы падает пропорционально увеличению количества денег. Количественная теория пытается опираться на уравнение обмена ($MV=PQ$), которое основывается на равноценности израсходованных на покупки денег, с одной стороны (MV), и того, что на них куплено, — с другой (PQ). Вместе с тем фактическое соотношение между увеличением количества денег и повышением цен в эпоху революции цен разошлось с предсказаниями количественной теории. За два века цены выросли примерно в два–три раза, тогда как масса денег увеличилась в 15–17 раз²¹. Такой итог (согласно уравнению обмена) объясняется, во-первых, тем, что товаропроизводители не только с готовностью отчуждали свои продукты в обмен на деньги, но и не упускали возможности расширить объемы производства и продаж (Q). Во-вторых, не вся выручка от продажи товаров расходовалась на покупку других товаров. Часть денег сберегалась и накапливалась. В мотивационном отношении обе эти причины тесно взаимосвязаны. Стимулом к расширению производства были именно деньги, желание увеличить их запас. Это хорошо понимали меркантилисты, положившие начало истории экономических учений²².

-
21. Разные авторы по-разному оценивают приток денег и рост цен, но что приток денег многократно превысил повышение цен, отмечается всеми и не подлежит сомнению.
22. Считается, что меркантилисты преувеличили значение притока денег в страну, поскольку они отождествляли деньги с богатством или капиталом. Но разве государство, как и индивид, не должно расходовать меньше, чем приобретает, если намерено увеличивать свое богатство? Вопрос в том, какую экономическую форму принимает или должен принимать этот излишек сверх потребляемого. Для своего времени (когда еще не открылись инвестиционные возможности, связанные с промышленной революцией) учение меркантилистов, в рамках которого излишек отождествлялся с денежной формой богатства, выглядело естественным, а, учитывая некоторые обстоятельства, вполне разумным именно с экономической точки зрения. Дело в том, что по мере затухания революции цен все больше фактов свидетельствовало о том, что ценность тогдашних металлических денег отличалась от ценности товаров большей устойчивостью. Поэтому среди мотивов, побуждающих расширять производство товаров, центральное место занимал мотив приобретения денег, которые воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами как предпочтительная для накопления форма богатства, позволяющая сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности без риска потери их ценности.

В этой связи нужно отдать должное и Марксу. Он, в отличие от других классиков, находил рациональные зерна в учении меркантилистов, а главное, не обходил трудных вопросов. Насколько нам известно, только Маркс пытался объяснить, каким образом чистый денежный доход (прибыль) извлекается из товарно-денежного обращения. Ведь в товарно-денежном хозяйстве, в том числе хозяйстве капиталистическом, когда товары производятся посредством товаров, суммарная цена проданных товаров совпадает с суммарной ценой купленных. Следовательно, в экономике в целом денежные доходы не могут превышать денежных расходов. Но тогда откуда берется прибыль? Маркс подробно рассматривает этот вопрос во втором томе «Капитала». Исследуя процесс обращения авансированного денежного капитала, он указывает, что золото-промышленники (при золотом стандарте) продают добытое золото не на рынке, а на монетном дворе, получая плату за него не по рыночной, а по твердой (фиксированной) цене. Выходя на рынок, золотопромышленники только покупают товары, ничего не продавая. Следовательно, владельцы обычных товаров покупают на рынке товаров на меньшую сумму денег, чем продают²³.

Нетрудно заметить, однако, что рассуждение Маркса распространяется на любое (как простое, так и капиталистическое) товарное производство. Сказать об этом тем более необходимо, что рассуждение Маркса фактически основывается на том предположении, что деньги пользуются спросом как средство накопления. Ведь если бы деньги не пользовались спросом как средство накопления, никто не пожелал бы покупать товаров на меньшую сумму денег, чем продавать²⁴. Вследствие этого поступление новых денег в обращение в обмен на полезные вещи и услуги (товары) вызывало бы избыточный спрос на товарных рынках, равный по стоимости

23. См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 24. С. 534, 542.

24. Если оставить в стороне колебания спроса на деньги, допуская, что они взаимно погашаются в рамках каких-то периодов времени, можно допустить, что в развитом капиталистическом обществе свободные от расходования на потребительские нужды деньги также расходуются: они используются для покупки капитальных активов. Все дело в том, однако, что рыночная оценка капитальных активов тесно связана с денежной формой богатства. Капитальная стоимость любого блага длительного пользования в тенденции равняется сумме ожидаемых годовых доходов, дисконтируемых с использованием ставок процента по бесрисковым активам, которые как таковые относятся к денежным активам. Поэтому величина дисконта зависит от спроса на деньги как средства накопления, который может быть удовлетворен только за счет чистого денежного дохода. См. подробно ниже.

избыточному предложению на денежном рынке. Общая величина денежных запасов в любом случае увеличивалась бы, но из-за избыточного спроса (предложения) на товарном (денежном) рынке, происходило бы повышение товарных цен, или, что то же самое, падение меновой стоимости денежной единицы. Маркс, однако, исключил из своего анализа такой сценарий. Анализируя процесс обращения капитала, он посчитал возможным использовать принцип неизменности стоимости денег²⁵. Но из этого принципа и уравнения обмена ($MV=PQ$) необходимо следует, что, если скорость обращения денег (V) как авансированного капитала постоянна²⁶, объем производства товаров (Q) можно и должно рассматривать как функцию от количества денег (M). Маркс, к сожалению, не заметил этого фундаментального вывода. Приверженность трудовой теории стоимости помешала ему увидеть в принципе неизменности стоимости денег нечто большее, чем просто удобную предпосылку макроэкономического анализа. Между тем использование принципа неизменности стоимости денег позволило бы Марксу дать должный отпор сторонникам количественной теории денег, чему посвящено немало страниц «Капитала».

Когда Маркс говорит, что каналы денежного обращения не могут переполняться, ибо излишние для реализации товаров деньги уходят в резерв (становятся сокровищами), он фактически признает, что равновесие между спросом и предложением на денежном рынке имеет место постольку, поскольку деньги воспринимаются и используются людьми как средство накопления. Логическим следствием такого признания должно было бы стать признание, что переход от простой (единичной) формы стоимости к развернутой, когда каждый товар выражает свою стоимость поочередно во всех других товарах, и, далее, к всеобщей и денежной, когда все товары выражают свою стоимость в одном и том же товаре, исторически и логически объясняется тем, что каждый последующий переход обеспечивает большую устойчивость для стоимости денег и, тем самым, для взаимосвязанных с ней товарных стоимостей²⁷. Факти-

25. См. указ. соч. Там же.

26. Иначе и быть не может в масштабах общественного производства в целом. См. подробно ниже.

27. В историческом аспекте переход от одной формы стоимости к другой отражает тот факт, что первоначально многие народы и территории имели свои деньги, но по мере развития торговых кон-

чески Маркс подталкивает к этому выводу, поскольку отличает денежную (позолоченную) форму стоимости от всеобщей. Но не случайно экономисты институционального направления (и не только они), осмысливая природу современных денег, утративших связь с золотом, не усматривают никаких отличий между всеобщей и денежной формой стоимости. Некоторые из них прямо ссылаются на внутреннюю логику учения Маркса о форме стоимости. При этом, однако, свойство непосредственной обмениваемости, присущее деньгам, по Марксу, как всеобщему эквиваленту, остается загадкой. Хотя факты свидетельствуют о том, что не только товар (полезная вещь) может восприниматься и использоваться в качестве денег, но как раз поэтому вряд ли оценка в денежных единицах придает деньгам свойство непосредственной обмениваемости. Особенно это очевидно при сопоставлении различных национальных валют как средства платежа за товары, торгуемых на мировых рынках.

Чем больше какие-то вещи или, скажем, электронные записи на банковских счетах используются как средство платежа за товары, тем больше укрепляется их восприятие как денег в силу самого процесса расширения групп людей, вовлеченных в товарно-денежные обмены. В этом непреходящая эвристическая ценность учения о деньгах К. Менгера. Но отсюда вовсе не следует, что деньги как социальный институт, если не счетная единица, то средство обращения. Деньги как средство обращения могут быть частично или полностью замещены теми или иными формами кредита. Но деньги как средство платежа за товары и одновременно средство платежа по долгам никак не ущемляются в понятие «средство обращения», во всяком случае, тогда, когда масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег, как это имеет место при частичном резервировании банковских депозитов²⁸. По Менгеру деньги это неформальный социальный институт. Но современ-

тактов стало обычным (чтобы избежать убытков или получить выгоду) при оценке товаров использовать разные деньги (развернутая форма стоимости), из которых, в конце концов, остались только лучшие, приемлемые для всех, золотые деньги.

28. Было бы неверно полагать, что современные (банковские) деньги извращают сущность товарно-обменных отношений. Поскольку товарно-капиталистическое производство есть лишь развитая форма товарного производства, капиталистические (банковские) деньги проливают свет на сущность (происхождение и назначение) товарных форм денег, а не наоборот. В этой связи понятие «средство обращения» просто должно быть исключено из экономического анализа.

ные деньги исторически и логически представляют собой сочетание неформальных и формальных институтов. Чтобы разобраться в их структуре и путях совершенствования, следует прежде всего поставить вопрос, почему денежно-кредитная система необходимо развивается (в том числе на мировом уровне) как центрально-банковская система с частичным резервированием депозитов.

Центрально-банковская система с частичным резервированием депозитов

Современные деньги сходны с золотом в том, что они воспринимаются и на самом деле являются долговечной (бессрочной) формой богатства. Поэтому количество денег, извлекаемых из товарно-денежного обращения в форме чистого денежного дохода, можно и должно рассматривать как функцию от времени функционирования товарно-капиталистического производства. Чем больше прошло времени, тем значительнее автономные денежные запасы и совокупный запас денег²⁹. Но, как мы видели, и при простом товарном производстве товаропроизводители не упускают возможности извлечь из товарно-денежного обращения деньги. Так что можно сказать, что в общем случае колебания меновой стоимости денег порождаются в основном колебаниями спроса на деньги, а не колебаниями общего количества наличных денег, во всяком случае, тогда когда речь идет об удовлетворении спроса на деньги как средства приобретения (реализации) товаров, произведенных, скажем, в течение года. Но если колебания спроса порождаются планами на будущее, причем в разных местах, в разное время и у разных людей, и все это не совпадает с распределением общего денежного запаса, то равновесие на денежном рынке предполагает возможность заимствовать деньги внутри рыночной системы, либо концентрацию всего запаса денег в одних руках, что предполагает использование достаточно надежных долговых обязательств, без чего автономные денежные запасы (сбережения) останутся большей частью за пределами централизованной системы. Сказанное проливает свет на значение государственных долговых обязательств для становления внутренне единой кредитной системы, обеспечивающей стабильность национальной валюты³⁰. Но дело здесь не только и не столько в том,

29. «Само собой понятно, что чем больше возраст капиталистического производства, тем больше масса денег, накопленная всеми капиталистами». Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24. С.538.

30. См. подробно: Фергюсон Н. Восхождение денег. М., 2010, гл.2; Марчелло де Чекко. Золотой стандарт. New Palgrave. Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004. С.394–414.

что часть спроса на деньги как средства платежа за товары переключалась на долговые обязательства. Дело в том, что процент по долговым обязательствам, более надежным, чем частные, приобретает особое значение. В рамках единой денежно-кредитной системы он не может не влиять и одновременно не реагировать на процессы ценообразования на всех рынках.

1. Предложение денег

Кейнс совершенно правильно указывал, что любое хозяйственное благо длительного пользования воспринимается и оценивается людьми не только с точки зрения его непосредственного назначения (предмет потребления и/или средство производства), но также как актив, характеризующийся той или иной степенью ликвидности и издержками содержания. Общие поступления или доходность, ожидаемая от собственности на любое хозяйственное благо в течение некоторого периода, равна $(q+L-c)$, где q — специфическая услуга, польза или доход, присущий данному благу как средству производства или предмету потребления, L — премия за ликвидность, c — издержки содержания³¹. Нетрудно заметить, однако, что поскольку поведение цен зависит от ожидаемой доходности капитальных благ, универсальная формула доходности $(q+L-c)$ должна проливать свет на процессы ценообразования, в том числе, что особенно важно, при заключении срочных (фьючерсных) контрактов. Кейнс с этим не спорит, напротив, развивает эту мысль, но особо подчеркивает, что формула $(q+L-c)$ может быть использована для исчисления норм доходности, независимо от того, измеряется эта доходность в деньгах или товарах. Вместе с тем, поскольку деньги ценятся из-за высокого (L) , норма процента на деньги, измеренная в них самих, не может принимать отрицательное или нулевое значение³². Поэтому есть смысл и, по меньшей мере, формальные основания исчислять и сравнивать другие нормы процента, отправляясь от нормы процента на деньги. Так, например, если норма процента на деньги составляет, допустим, 5 процентов, а денежная цена,

31. См.: Кейнс Дж.М. Указ. соч. С. 312.

32. Хотя, как предполагается, деньги, в отличие от товаров, не приносят дохода в форме (q) , издержки содержания (c) для денег также практически равняются нулю.

скажем, пшеницы, установленная при заключении срочной сделки (с доставкой товара через год), на 4 процента превышает ее текущую денежную цену, сегодняшняя единица пшеницы обменивается на $105/104$ единицы пшеницы, которые должны быть доставлены покупателю через год. Иначе говоря, ставка процента на пшеницу составит примерно 1 процент в единицах пшеницы. Понятно, если бы норма процента на деньги составляла не 5, а 3 процента, и при такой ставке цена пшеницы по срочной сделке отличалась от текущей не на 4, а на 6 процентов, ставка процента на пшеницу составила бы примерно минус 2 процента³³. При любом заданном уровне нормы процента на деньги средневзвешенная величина товарных ставок процента, т.е. ставок процента на различные товары, выраженные в единицах этих же товаров, составит либо положительную, либо отрицательную, либо нулевую величину. Нулевая средневзвешенная ставка процента означает, что в совокупности товары оцениваются рынком не выше и не ниже, чем деньги, что проливает свет на механизм установления устойчивых товарных цен и, соответственно, меновой стоимости денежной единицы в любой момент времени³⁴.

Дж.М. Кейнс, однако, не проявил должного интереса к равновесным свойствам нулевой средневзвешенной ставки процента. Сопоставление товарных и денежной ставок процента нужно было Кейнсу, чтобы разъяснить, почему объем выпуска продукции и занятость связаны с деньгами и нормой процента на деньги более тесно, чем с нормой процента на пшеницу, или на капитальное оборудование, или на дома и т.д.

По мнению Кейнса, относительная редкость товаров длительного пользования находит непосредственное выражение именно в различных нормах процента, причем для фиксации этих различий пригоден любой стандарт стоимости. Вместе с тем, поскольку хозяй-

33. См. подробно: Кейнс Дж.М. Указ. соч. гл.17. п.1,2; Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. Гл.11, п.1.

34. При формировании уровня равновесной нормы процента на деньги важное значение имеет степень разрыва между фактической ценой товара в будущем и той предполагаемой (прогнозируемой) ценой, которая формируется на фьючерсных рынках. Если бы ценовые ожидания были бы абсолютно определены (полностью оправдывались), что означало бы полное отсутствие риска возможных убытков, норма процента на деньги, как и средневзвешенная ставка процента, могла быть сколь угодно близкой к нулю. (См. подробно: Хикс Дж. Стоимость и капитал. Гл.12, п. 5). Должно быть ясно, однако, что поскольку люди не обладают полнотой знаний о будущем, положительная норма процента на деньги, обеспечивающая нулевую средневзвешенную ставку процента по товарным активам, играет, во всяком случае должна играть, исключительно важную роль.

ственные блага существенно различаются по степени ликвидности и издержкам содержания, привлекательность для накопления актива с наивысшим (L-с) может воспрепятствовать достаточно масштабным частным инвестициям в другие активы, угнетая тем самым производство и занятость, в частности потому, что эластичность производства денег для частного сектора практически равняется нулю³⁵. В посткейнсианской литературе этот последний вывод поставлен под сомнение, поскольку в последние десятилетия стало более или менее очевидно, что контроль за денежной массой ускользает от денежных властей, чему, впрочем, не стоит удивляться, учитывая всегдашнюю заинтересованность коммерческих банков и теневого банковский структур размывать нормы резервирования депозитов, устанавливаемые Центральным банком.

Основная характеристика банковской деятельности заключается в том, что этот институт гарантирует (обещает) беспрепятственный доступ к деньгам тем, в чей собственности они находятся, даже если большая часть этих денег инвестирована в активы, которые нельзя оперативно перевести в звонкую монету. Все дело в том, однако, что, обещая беспрепятственный доступ к деньгам для широких слоев бизнеса и публики, коммерческий банк, несмотря на свою «финансовую хрупкость», является доминирующим институтом среди всех других финансовых институтов, призванных аккумулировать деньги как форму богатства, снижающую беспокойство относительно неопределенного будущего. Никакое развитие производства и финансовых рынков не способно отменить эту роль коммерческого банка, в частности потому, что капиталистически организованное производство отчасти само порождает или усиливает то, что беспокоит людей, когда они пытаются строить планы на будущее. Как метко заметил Дж. Хикс, экономика, использующая в больших масштабах капитальные блага длительного пользования, не могла бы возникнуть, если бы не нашла в более или менее готовом виде то, что мы называем банковским (денежным) кредитом³⁶. Об этом, кстати сказать, свидетельствует, сам того не ведая, и А. Смит, описывая хитроумные «вексельные уловки» предпринимателей (которых он называет «прожектерами»), пролонгирующих краткосрочные бан-

35. См. указ. соч. С. 315.

36. См.: Хикс Дж. Теория экономической истории. М., 2003. Гл. 9.

ковские ссуды для финансирования долгосрочных инвестиционных проектов³⁷.

Неодобрительно высказываясь об уловках «прожекторов», А. Смит, в частности, исходил из того, что, в отличие от оборотного капитала, который непрерывно возвращается к владельцу для повторного вложения, основной капитал характеризуется невозвратностью, долгосрочной закрепленностью в одной и той же форме. Но отсюда можно вывести как то, что банки должны ограничиться финансированием оборотного капитала (хотя, согласно логике рассуждений А. Смита, в этом нет особой нужды), так и то, что люди в этом полном неопределенности мире будут «омертвлять» немалый основной капитал только при определенных гарантиях свободного доступа к ликвидному капиталу, на что указывал Дж. Хикс. Вместе с тем, поскольку спрос на более ликвидный капитал возрастает с повышением ставки банковского процента, при повышении ставки возникают трудности с краткосрочным финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, что, очевидно, чревато тем большими негативными последствиями для рыночной экономики, чем больше таких проектов уже запущено. Поскольку вопрос о нормальном уровне процента является камнем преткновения для экономической теории, особенно после Кейнса, последователи его учения в основном придерживаются мнения, что главная причина финансово-экономических кризисов состоит все же в недостаточной гибкости предложения денег. При этом часто высказывается мысль о том, что кредитная природа современных (банковских) денег имеет мало общего с прежними взглядами на деньги, согласно которым необходимое количество денег определяется их функцией как средства обращения.

Во всяком обществе деньги приобретаются как в обмен на товары, так и в обмен на долговые обязательства, т.е. в кредит. Но когда масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег, кредит выступает как особый и самостоятельный источник предложения денег. Согласно некоторым «сильным» версиям кредитно-ориентированных концепций денег, назначение центрально-банковской системы с частичным резерви-

37. См.: Смит А. Указ. соч. Книга II, гл. 2.

рованием депозитов состоит как раз в том, чтобы сделать предложение денег полностью эндогенным, т.е. определяемым в рамках самой экономической системы спросом на деньги со стороны фирм и домашних хозяйств³⁸. Тот факт, что деньги приобретаются в обмен на долговые обязательства, не делает предложение денег менее гибким при том условии, что ставка процента по банковским кредитам остается достаточно низкой и устойчивой во времени, что, опять же, вполне согласуется с устройством и возможностями современной денежно-кредитной системы. Нельзя не отметить в этой связи, что в периоды финансовых кризисов центральные банки склонны наращивать банковские резервы, щедро кредитуя по чрезвычайно низким процентным ставкам крупные коммерческие банки. Правда, коммерческие банки обычно не спешат распространять льготное кредитование на своих заемщиков, ограничивая тем самым предложение денег³⁹. Это сказывается, конечно, на положении людей, привыкших пользоваться дешевым кредитом при покупке товаров. Данное обстоятельство приобретает существенное значение для экономики в целом, когда речь идет о таких товарах, как производственные ресурсы.

Заметное место в аргументации в пользу кредитной природы денег принадлежит Й. Шумпетеру. Из его «Теории экономического развития» следует, что основной причиной создания денег банками является спрос на них со стороны предпринимателей-новаторов.

38. См. анализ существующих версий эндогенного предложения денег в монографии: *Вымятина Ю.* Теория денег. Санкт-Петербург, 2014. Гл.3.

39. Предложение денег ограничивается, поскольку именно кредиты, выдаваемые банковской системой, приводят к созданию денег на банковских депозитах. Нельзя не учитывать, однако, что деньги, которые даются займы посредством открытия счета для заемщика, как правило, быстро покидают банк. Мало вероятно, что товары и услуги, покупаемые на заемные деньги, принадлежат клиентам того же самого банка. С точки зрения отдельного банкира он не создает деньги, а, напротив, сберегает, ибо на каждый дополнительный рубль, вложенный в банк, он в состоянии дать займы, скажем, 80 копеек, откладывая 20 копеек в резерв. Вместе с тем, эти 80 копеек, в том случае, если попадут на счета другого банка, послужат основанием для выдачи займы 64 копейки, и т.д., что при не сложном подсчете даст нам сумму в 5 рублей на каждый рубль, вложенный в банковскую систему, при том, однако, условии, что первоначальный рубль появился в первом банке не в результате выдачи денежной ссуды в каком-то другом коммерческом банке. Иначе говоря, этот первоначальный рубль должен появиться в результате кредитования коммерческого банка Центральным банком или в результате открытия сберегательных и срочных счетов для публики. Даже если все деньги на этих счетах также первоначально были выпущены в порядке кредитования небанковского сектора банками, непосредственно они являются результатом сбережения и накопления денег, приобретаемых в обмен на товары.

Шумпетер прав, конечно, подчеркивая, что в рыночной экономике (в условиях господства частной собственности) новое, более производительное применение производственных ресурсов осуществимо лишь через сдвиги в покупательной силе хозяйственных субъектов⁴⁰. Вместе с тем в модернизации рыночной экономики участвуют, как отмечает сам Шумпетер, не только предприниматели-новаторы, но также их последователи и конкуренты, перенимающие удачные инновации, т.е. такие инновации, которые способны более или менее заметно снижать совокупные затраты в расчете на единицу полезного эффекта, будь то в отраслях обрабатывающей или добывающей промышленности, транспорта, торговли или сельского хозяйства. По-видимому, именно массовый спрос на деньги, связанный с внедрением таких инноваций, порождает практику частичного резервирования банковских депозитов, во всяком случае, тогда, когда она заметно расширяется и становится общераспространенной.

Кроме того, и это главное, банковский (денежный) кредит эффективен как средство размещения производственных ресурсов в той мере, в какой владельцы производственных ресурсов воспринимают и используют деньги не только как средство приобретения товаров. Шумпетер затратил немало усилий, пытаясь доказать, что денежная форма капитала имеет самостоятельное значение, что запас денег как фонд покупательной силы не сводим к запасам каких бы то ни было товаров⁴¹. Но достаточно строгое обоснование данного положения возможно только на основе признания чистого денежного дохода (как источника денежных накоплений) в качестве *универсального стимула для всех хозяйствующих субъектов*. Иначе говоря, в ходе товарно-денежных обменов каждый хозяйствующий субъект должен стремиться (посредством планируемых продаж и покупок) получать чистый денежный доход. Только в этом случае предприниматели смогут получать в свое распоряжение достаточные для их целей объемы ресурсов, принадлежащих другим⁴².

40. См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

41. См.: Шумпетер Й. Указ соч. Приложение к гл. «Кредит и капитал».

42. Можно повысить цену требуемого товара (скажем, трудовых услуг), но это не приведет к расширению его предложения, если товары выносятся на рынок только ради приобретения других товаров. Более того, повышение цены позволяет за меньшее, чем прежде, количество продаваемого товара получать прежний доход, т.е. доход, вполне достаточный для удовлетворения привычных потребностей. Как отмечает М. Вебер, до промышленной революции подобная реакция на повышение

Специфика предпринимательской прибыли не отменяет того факта, что любая прибыль есть форма чистого денежного дохода, который образуется во всяком хозяйстве по той простой причине, что люди желают сберечь и накапливать плоды своей деятельности в денежной форме и готовы платить за это товарами, расширяя по мере возможности их предложение. Игнорирование данного обстоятельства ведет к ложному представлению о том, что объем выставяемого на продажу труда при капиталистической организации производства определяется исключительно уровнем ожидаемого (планируемого) потребления, в то время как спрос на труд — ожидаемой прибылью. Между тем как спрос на труд, так и объем выставяемого на продажу труда мотивируется чистым денежным доходом.

Чем выше уровень развития товарно-капиталистического производства, тем выше должна быть цена (заработная плата), получаемая товаровладельцем на рынке рабочей силы. Во всяком случае, она должна быть достаточно высокой, чтобы превышать суммарную цену товаров, которые он (товаровладелец) обычно покупает или планирует купить. Если соотношение между заработной платой и ценами других товаров ухудшается, число продавцов рабочей силы должно сокращаться, а число покупателей, планирующих извлечь из рыночных контрактов чистый денежный доход в форме прибыли, напротив, должно увеличиваться. Иначе говоря, часть продавцов на рынке рабочей силы должна переходить в лагерь покупателей, и наоборот: повышение цены рабочей силы должно увеличивать количество продавцов за счет покупателей. И только после того, как количество покупателей, продавцов, уровень заработной платы и прибыли приобретут некоторую устойчивость, можно ожидать равновесия на других взаимосвязанных товарных рынках⁴³. Предупреждая возможные замечания, подчеркнем, что многие люди, трезво оценива-

цены была вполне естественной, поскольку она обуславливалась «определенным стилем жизни, тем более устойчивым, что он обычно выступал в этическом обличье». Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью. 2002. С. 40.

43. Неоклассическую теорию вознаграждения (оплаты) труда и капитала на основе их предельной производительности нельзя рассматривать как теорию заработной платы и прибыли, поскольку она не учитывает взаимосвязь между уровнем вознаграждения и предложением факторов. Те основания, которые приводятся в целях обоснования экзогенного (фиксированного) количества факторов и произведенного с их помощью продукта, упрощают, конечно, анализ проблемы распределения для экономистов неоклассической школы. Но как раз поэтому они далеко не бесспорны.

ющие свои возможности, наклонности и способности, ни при каких условиях не пожелают, по-видимому, взваливать на себя бремя ответственности и риска, связанного с организацией производства на началах свободного (наемного) труда. Но наше рассуждение основывается на предположении, согласно которому предпринимательские и любые другие способности, чувство ответственности, восприятие и отношение к риску и т.д. распределены между людьми в виде *непрерывной градации отклонений* от какого-то среднего уровня.

Во всяком обществе достаточно большая группа людей не привязана ни к лагерю покупателей, ни к лагерю продавцов рабочей силы. И если снижение уровня дохода, как мы утверждаем, стимулирует переход в лагерь покупателей рабочей силы, должно наблюдаться расширение этого «класса» в периоды финансово-экономических кризисов. Именно это происходит и фиксируется статистикой. Экономическая социология давно интересуется этим явлением. Существует, в частности, целая литература, объясняющая возникновение новой высокой волны предпринимательства в кризисные 1970-е годы активизацией процессов расслоения членов общества на покупателей и продавцов рабочей силы в связи с ожидаемыми доходами⁴⁴.

Получается, таким образом, что процесс разделения дохода на заработную плату и прибыль находится в органической связи с процессом расслоения членов общества на продавцов и покупателей рабочей силы. Чем больше членов общества способны реагировать на падение уровня заработной платы переходом из лагеря продавцов в лагерь покупателей рабочей силы, тем больше оснований считать, что деление дохода на заработную плату и прибыль подчиняется определенным экономическим законам, регулирующим спрос и предложение на рынке рабочей силы. Вместе с тем важной предпосылкой действия этих законов является одинаковая доступность банковского кредита для всех участников товарного производства, что, как ни странно, требует, как будет показано ниже, большего внимания к вопросам регулирования банковских депозитов

44. См.: Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005. С. 218–222.

2. Спрос на деньги

В современном обществе накопленный запас денег включает не только те формы денег (наличные и банковские вклады до востребования), которые используются для покупки товаров и других расчетов, но также деньги на сберегательных и срочных банковских депозитах (денежный агрегат M_2) и, кроме того, денежные суммы, вложенные в надежные государственные ценные бумаги (денежный агрегат M_3). Разумеется, денежные сбережения могут частично или полностью расходоваться теми, кто берет деньги в займы. Вместе с тем само существование банковских депозитов означает, что если бы их не было, вложенные в них деньги оставались бы по большей части не израсходованными. Ведь деньги, находящиеся на банковских счетах, передаются банкам на хранение. Другой вопрос, что делают с ними банкиры и почему развитие банковского бизнеса привело к практике частичного резервирования депозитов, что позволило банкам не требовать, как прежде, некоторой платы за хранение денег, а, напротив, выплачивать процент. Это другой вопрос, поскольку следует четко различать спрос на деньги как средство накопления и спрос на деньги как средство платежа за товары, который предъявляется заемщиками. Не случайно спрос на деньги как средство накопления занимает центральное место в системе Дж.М. Кейнса. В этой системе, как мы видели, можно обнаружить много бесспорных положений, и в частности положение о том, что само существование ликвидных активов в мире неопределенности и риска позволяет отказаться от держания физических активов и, соответственно, от производства, создающего занятость.

Несколько уточняя позицию Кейнса, можно сказать, что для современной экономики первостепенное значение имеют два факта. Во-первых, стимулы к накоплению денег всегда и везде сильны в своем постоянстве и современная экономика в этом отношении не является исключением. Но стимулы к накоплению физических активов тем слабее, чем они специфичнее по своему назначению и чем выше характерные для них издержки содержания. Ведь чем ниже оценивается (L) и выше (c), тем накладнее (убыточнее) и хранить физические активы, и продать за деньги (наименее специфичный актив) в случае неблагоприятного изменения рыночной конъюнктуры.

юнктуры. Как отмечал Кейнс, в известных случаях хозяйствующие субъекты некоторое время продолжают использовать физические активы, несмотря на то, что они приносят убытки, ибо чистые убытки от простого хранения, не принося никакого дохода, выше, чем убытки использования. Но это, конечно, не выход из кризисной ситуации для экономики, в рамках которой неблагоприятное изменение рыночной конъюнктуры способно распространяться далеко не только на отдельные производства и сферы хозяйства. Вопрос в том, откуда берется такая способность. Избыточный спрос на деньги — вещь весьма скользкая, учитывая, что помимо физических активов и денег существуют финансовые активы, а среди них ценные бумаги, приносящие положительный процентный доход на свою номинальную денежную стоимость. В этой связи, естественно, возникает вопрос, имеются ли достаточные основания для хранения (накопления) денег сверх преходящего запаса, диктуемого транзакционным мотивом, когда на рынке предлагаются такие ценные бумаги.

Кейнс отвечает на этот вопрос положительно, ибо всякий, кто приобретает ценную бумагу, должен принимать во внимание, что он может пожелать или быть вынужденным использовать свои средства до наступления срока погашения ценной бумаги. Если бы это случилось, потребовалось бы продать ценную бумагу на открытом рынке. Но если в период между первоначальным вложением средств в приобретение ценной бумаги и датой ее продажи рыночная ставка процента по ценным бумагам возросла, держатель ценной бумаги рискует не найти покупателя, который даст ему хотя бы первоначальную цену, не говоря уже о цене выше той, по которой ценная бумага была приобретена. Отсюда важная роль ожиданий по поводу изменений ставок процента в будущем (ожиданий, влияющих на формирование текущих ставок процента) и в этой связи мотива предосторожности и особенно спекулятивного мотива в формировании спроса на деньги. Но можно ли считать, что вся величина процента сводится к факторам риска, т.е. к риску, связанному с возможностью неуплаты долга, и риску, связанному с возможностью потери части стоимости из-за неопределенности будущих процентных ставок?

Хикс, Боумоль, Тобин и другие экономисты пытались развить в этом направлении теорию спроса на деньги и в известном

отношении с ними трудно не согласиться. Допустим, существует настолько краткосрочная ценная бумага и настолько надежная (выпущенная, например, Центральным банком), что оба вида риска составляют практически неразличимую величину. Можно ли считать, что процент по такой бумаге во всех случаях также будет практически равняться нулю? По-видимому, нет.

Если бы люди могли без всяких хлопот и издержек приобретать надежные ценные бумаги и столь же легко превращать их обратно в деньги, они пожелали бы обращать все свои деньги в ценные бумаги, пока существует хоть какой-то процентный доход. Но трудности и издержки, связанные с совершением *отдельных* сделок, имеют для них значение⁴⁵; они и объясняют, почему неопределенность будущих процентных ставок не в состоянии поглотить всю величину процента, особенно когда речь идет о норме процента по достаточно надежным активам.

Вместе с тем, если решения, принимаемые людьми по поводу приобретения, держания и продажи надежных ценных бумаг не сопряжены ни с каким видом риска, а ограничиваются только издержками транзакций, почему люди в целях снижения издержек не расплачиваются за товары наряду с деньгами ценными бумагами? Очень просто закрыть этот вопрос, указав, что даже самые надежные ценные бумаги, в отличие от денег (средства обращения), не являются общепринятым средством платежа. Если бы это было не так, люди, конечно же, расплачивались бы за товары наряду с деньгами ценными бумагами, сокращая, тем самым, издержки транзакций. Но как мы видели, чтобы быть общепринятым средством платежа вовсе не обязательно быть посредником при обмене. Люди не используют ценные бумаги, о которых идет речь, для приобретения товаров по той простой причине, что они предпочитают использовать их в качестве средства накопления.

Возьмем предельный случай. Допустим, Центральный банк наряду с деньгами выпускает вексель, причем обязуется принимать (покупать) этот вексель каждый день по номинальной или нарастающей цене вплоть до срока погашения. Иначе говоря, при выпуске векселя Центральный банк доводит до сведения потенциальных

45. М. Фридмен в середине 50-х годов как-то сказал, что люди хранили бы все свои деньги на процентных депозитах, изо дня в день забирая нужную сумму, если бы не издержки в виде износа обуви.

держателей цену или стоимость этого векселя в любой день до срока погашения. Спрашивается, будет ли такой абсолютно надежный вексель обращаться наравне с деньгами? Скорее всего, нет, но *не потому, что кто-то из хозяйствующих субъектов не пожелает принимать такой вексель в качестве платы за товары, а потому, что многие не захотят расставаться с ним ради приобретения товаров*. В начале XX века американское казначейство выпустило билеты достоинством в два доллара, обещав изъять их через три года с выплатой процента. Но эти билеты практически сразу же исчезли из обращения, хотя выпускались с целью расширить массу денег, обращающуюся на товарных рынках.

На этом примере хорошо видно, что положительный спрос на деньги сверх запаса, диктуемого транзакционным мотивом, легко объяснить, если на рынке обращаются или предлагаются активы, которые в качестве средства сохранения стоимости практически ни в чем не уступают наличным деньгам. Краткосрочные государственные долговые обязательства, или, еще лучше, сберегательные, приносящие процент банковские депозиты — суть деньги, ибо риск потери части стоимости этих активов не выше, чем риск потери части стоимости наличных денег. Само существование таких активов, как отмечалось, означает, что если бы их не было, вложенные в них деньги оставались бы по большей части не израсходованными. Банковские депозиты являются деньгами, независимо от того, приносят они процентный доход или нет, также по той причине, что любые банковские депозиты могут быть востребованы по первому требованию. А это важная черта, с точки зрения свойств денег как предпочтительной для накопления формы богатства, минимизирующей риски, порождаемые неопределенностью будущего. Ведь страх или беспокойство, связанные с возможностью возникновения каких-то непредвиденных обстоятельств в будущем, не придают какой-то форме денег большую ценность, если любая форма денег по желанию в любой момент может быть превращена в другую. При этом ставка процента по денежным активам может корректироваться достаточно часто, без особого влияния на спрос на деньги как средство накопления, чего никак нельзя сказать о ставке процента по кредитам заемщикам, которые используют деньги как средство приобретения производственных ресурсов. Капиталистическая эконо-

номика, несомненно, обрела бы большую устойчивость, если бы колебания ставки процента по кредитам каким-то образом сгладить посредством более частых корректировок ставки процента по денежным активам. *Это означало бы, что предложение денег приобрело бы большую гибкость при стабильном спросе на деньги как средстве накопления.*

3. Центральный банк как регулятор товарных стоимостей и цен

Создание (учреждение) центральных банков никогда и нигде не обходилось без участия государства (правительства и законодательных органов). Но это не отменяет того факта, что иерархическая банковская система является вполне закономерным результатом развития банковского бизнеса.

Когда банкиры начали сужать часть помещенных у них на сохранение денежных средств, они были уверены, что всегда будут в состоянии выполнить свои обязательства, т.е. без задержки выкупить предъявленные к оплате требования, даже если они ссудят часть вкладов (депозитов) под проценты. В частности, они полагали, что при нужде всегда можно будет продать часть активов или обеспечений, полученных от заемщиков. Опыт, однако, вскоре убедил их в том, что единственный достаточно быстрый способ пополнения резервов — это займы у других, более крупных банков, расположение (доверие) которых нужно было завоевывать, держа какую-то часть денежных резервов на их счетах. Зарождающиеся банковские системы конца XVIII века (в Англии и Шотландии) в этом отношении мало чем отличаются от современных⁴⁶.

Вместе с тем, поскольку современные центральные банки не ограничены резервными требованиями по выпуску национальной валюты, они в состоянии проводить несравненно более гибкую процентную политику в целях стимулирования товарного производства, с одной стороны, и стабилизации уровня цен (меновая стоимости денег), с другой. Как мы видели, посредством пересмотра процента по денежным активам можно в известной мере нейтрализовать

46. См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга II, гл. 2.

колебания товарных ставок процента и, соответственно, товарных стоимостей. В понятиях Маркса товарные стоимости сводимы к понятию общественно необходимых затрат труда. Но как таковые они крайне изменчивы в связи с изменениями в производительности труда. В понятиях неоклассической теории товарная стоимость сводится к предельной полезности (редкости). Но отсюда вовсе не следует, что, как таковые, товарные стоимости становятся более устойчивыми. О неуловимости товарной стоимости писал Л. Вальрас, подчеркивая разницу между словом «франк» (денежной единицей) и словом «метр», которое выражает фиксированную и неизменную единицу длины как определенной части земного меридиана⁴⁷. Правда, Маркс полагал, что стоимость существует объективно, во всяком случае, для экономической науки, ибо экономист с самого начала должен рассматривать труд во всем его общественном целом как разделенный труд, не обманываясь на счет природной обусловленности его творческой производительной силы. Вальрас же доказывал, что единицы стоимости нет, поскольку мера интенсивности последних удовлетворенных потребностей, или редкости, содержится в нас самих, а не в вещах. Вместе с тем оба считали, что отдельные товарные стоимости находятся в постоянном движении изменения и именно это, если оставить в стороне несоизмеримость субъективных полезностей, крайне затрудняет их соизмерение и измерение даже тогда, когда в качестве меры выступает какая-то одна товарная стоимость. Ведь и в этом случае ее нельзя путать с твердыми мерами вроде метра, грамма и т.п., хотя они могут быть заменены другими мерами, как это было в истории.

Но, как это видно из вышеизложенного, товарные стоимости подаются все же известному регулированию посредством корректировок нормы процента по денежным активам. Никакая норма процента, конечно, не в состоянии учитывать и/или воздействовать на все факторы, обуславливающие изменчивость товарных стоимостей. Но норма процента по денежным активам может подстраиваться под товарные нормы процента (товарные стоимости) таким образом, чтобы средневзвешенная норма процента товарных активов не отклонялась заметно от нулевого уровня. Вместе с тем, когда

47. См.: Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М: Эзиграф, 2000. С. 127–129.

изменчивость товарных стоимостей обуславливается модернизацией рыночной экономики, требующей вовлечения в хозяйственных оборот крупных сумм новых денег, нет достаточных оснований считать, что в этом случае равновесная норма процента по денежным активам, обеспечивающая стабильность покупательной силы денег, не превысит равновесную норму процента по банковским кредитам, необходимую для достаточного финансирования нововведений. Понятно, такое соотношение процентных ставок означало бы разорение частных банков, но этого никак нельзя сказать о Центральном банке.

Для решения задач, стоящих перед Центральным банком в области обеспечения устойчивого экономического развития в длительной перспективе, он должен быть наделен полномочиями не только кредитора, но и заемщика последней инстанции. Проще это сделать, если в области аккумуляции денежных средств на банковских депозитах коммерческие банки будут выступать как простые филиалы Центрального банка. Это нисколько не подорвет ресурсную базу коммерческих банков, если Центральный банк, помимо обычных кредитов, будет устанавливать лимит кредитования коммерческих банков по весьма низкой ставке процента в зависимости от размеров денежных средств, собранных банком посредством открытия по поручению Центрального банка депозита, гарантирующего безусловную защиту от инфляции. Пересматривая ставку процента по данному депозиту (назовем его стабилизационным счетом центрального банка – ССЦБ) и кредитам по отдельности, Центральный банк в короткий срок способен погасить инфляционные ожидания, улучшив, вместе с тем, перспективы развития отраслей и производств, независимо от их ориентации на внешние или внутренние рынки. Для двойного решения по ставкам процента нет никаких препятствий. Нужно только исключить возможность появления денег, выданных в кредит по льготной ставке одному банку, на ССЦБ в других банках. Сделать это нетрудно путем фиксации разницы в сроках предоставления кредитов и выплаты процентов по этому счету. Коммерческий банк ничего не выиграет, а, напротив, потеряет, если, взяв сравнительно дешевый кредит у Центрального банка, разместит его на ССЦБ в других банках. Ведь ему нужно будет вернуть одолженную сумму в строго оговоренные сроки. Но если держатель

ССЦБ сможет претендовать на процентные выплаты только по истечении большего срока (хотя бы на один день), спекулировать на дешевых кредитах окажется себе в убыток.

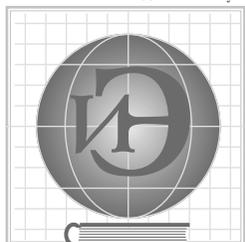
Поверхностный взгляд на деньги как на средство обращения ведет, в частности, к ошибочному представлению, согласно которому чем выше степень обращаемости финансового инструмента (стандартность, возможность многократной передачи от одного владельца к другому и т.п.), тем больше, якобы, он подходит для связывания денежных средств на финансовых рынках. Важно указать в этой связи, что персональные банковские вклады (депозиты), не подлежащие передаче в другие руки, каковыми будут ССЦБ, вряд ли будут привлекательны для людей, предпочитающих высоколиквидные финансовые активы. Кроме того, в договоре об открытии ССЦБ можно предусмотреть статьи, которые давали бы право налоговым органам посредством упрощенной судебной процедуры замораживать вклады недобросовестных налогоплательщиков, что автоматически отсечет нерезидентов (платящих налоги в других странах) и их мобильные капиталы от данного актива.

Концепция ССЦБ, в случае ее осуществления, приведет к стагнации рыночных стимулов в области управления банковскими пассивами. На смену конкуренции и инновациям в этой области придут стандартизированные процедуры, что, в данном случае, отнюдь не является признаком регресса. Во-первых, банковское сообщество вынужденно будет считаться с тем, что специфические банковские риски, связанные с отбором достаточно надежных индивидуальных заемщиков, не передаваемы другим финансовым институтам, без ущерба для качества управления этими рисками. Во-вторых, законопослушные юридические и физические лица, наконец, получат то, что им в действительности нужно: безусловную сохранность стоимости денежных сбережений при прозрачных и привычных процедурах управления неизменным по своим параметрам и условиям персональным банковским счетом. Эта сохранность обеспечит условия для более плодотворной конкуренции в сфере банковского кредитования именно благодаря тому, что ценовая конкуренция за привлечение свободных денежных средств на банковские счета будет устранена.

Литература

- Вымятина Ю.* Теория денег. СПб., 2014.
- Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. В кн.: Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
- Менгер К.* Основания политической экономии. Гл. 8. Учение о деньгах. gumfak.ru/econom/html/menger/menger09.shtml.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства. М.: Изд-во «Изограф», 2000.
- Платон.* Диалоги. Харьков, 1999.
- Коуз Р.* Фирма, рынок и право М.: ДЕЛО, 1993.
- Гэри С. Беккер.* Человеческое поведение, экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Хикс Дж.* Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993.
- Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. Т. 1. 1993.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23, 24.
- Фергюсон Н.* Восхождение денег. М., 2010.
- Марчелло де Чекко.* Золотой стандарт. New Palgrave. Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002.
- Радаев В.* Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Гогохия Д.Ш.

Деньги, кредит и банки

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 19.09.2016. Заказ № 33

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0571-2

9 785994 005712